

17 ЯНВ 1966

г. Ростов н/Дону

Газета № . . .

«Артист создал яркий образ... С подлинным мастерством»...

Их много, высоких и привычных оценок этого особого искусства — живого, трепетного, сиюминутного искусства актера театра. Но случается так, что после спектакля ни одна из них не приходит тебе, зрителю, в голову. Ты просто ловишь себя на том, что перед твоими глазами все еще стоит тот человек, которого ты увидел на сцене. И как на ладони — вся судьба его, так глубоко тебя взволновавшая... Может быть, это оценка высшая?

Такое впечатление выносишь и от знакомства с последней работой заслуженного артиста республики Петра Григорьевича Лободы в спектакле театра имени М. Горького «Между ливнями».

У матроса, комиссара Гордея Позднышева, нелегкая жизнь. Она полна до краев испытаниями и борьбой, многими потерями и единой великой радостью — победой революции. Пьеса Штейна названа драмой. Но судьба Гордея, все пережитое им вкупе — поистине оптимистическая трагедия.

Вот он, невысокий, седой, в бушлате и с кольцом на боку, уверенно шагает по весеннему ноздреватому льду. В Кронштадт. По заданию Ленина. Чтобы кинуть клич революционной матросской братве:

— Даешь субботники! Даешь неделю помощи топливом ослабевшим заводам Питера!

И не подозревает, что здесь набухает, зреет контрреволюционный мятеж белогвардейщины,

СУДЬБА ГОРДЕЯ ПОЗДНЫШЕВА

анархистов, тех, кто в труднейшем 21-м спасовал перед разрухой и голодом, усомнился в святости дела партии.

Он спешит и к жене, к сыну. Не видал их три года, с тех пор как подхватило комиссара и закружило вихрем гражданской войны. Тонул на кораблях, захлебывался в собственной крови под Ростовом, зубами дрался за Советскую власть...

Светлый, по-детски счастливый, Гордей — Лобода ласково треплет по щеке сына Ивана, тоже матроса, радостно всматривается в него: вымахал! — и, конфузясь, сознается виновато. Забыл, вот те крест, забыл, сколько парню стукнуло лет. Но только на минуту отпущена Гордею толика личного счастья. Уже в следующую он молит и кричит и уговаривает сына:

— Ну скажи — врешь...

И наконец, осознав, что любимая жена умерла от голода и тифа, как подкошенный, падает на лед.

Так, едва познакомившись с ним, мы увидели Позднышева — Лободу в мгновение огромной слабости. Но уже в следующих картинах артист доказал нам, что это была слабость большого, сильного человека, который сам Позднышев стыдится. Слабость, которая сделала его человечнее, понятнее, роднее зрителю.

Роль Позднышева как будто требует от исполнителя крупной фактуры, скульптурности внешнего облика.

— Но чего нет, того нет. И это обстоятельство долго смущало меня, — признается Петр Григорьевич.

Трудно создавать стойкий, могучий характер, когда отсутствуют, так сказать, близлежащие сценические признаки его.

Есть один путь решения этой задачи. Он лежит через раскрытие внутренних пружин душевной монументальности.

Они — в огромной убежденности в правоте ленинских идей, в абсолютной преданности революции, в неустанном биении мысли Позднышева — Лободы.

Такие люди не идут на компромиссы. Какие бы душевные муки им ни пришлось испытать!

Только что Гордей тяжело пережил смерть жены. Но ему предстоит еще более тяжкая утрата, перерастающая в исполнении Лободы рамки семейной драмы. Это трагедия человека-борца, коммуниста, теряющего в беспощадной борьбе идеологического единственного сына. От него довелось Гордею узнать, что в Кронштадте — неладно. Сын

бросил ему, комиссару, упрек в «комиссародержавии». Потрясенный, отец отказывается верить ушам своим. С горечью, с теплящейся еще надеждой вглядывается в глаза, сердце и разум сына, выросшего здесь, пока их, комиссаров, «живьем зарывали, в отхожих топили, генерал Шкуро к хвостам конским вязал...». Может, Ванька болтает по дураости? Может, он, негодяй,

еще засучит рукава и вместе с ним, отцом, вместе с партией, начнет дранить, выметать из жизни всю грязь и мерзость? Но нет:

— Я-то, батя, не в вашей партии.

Придется потом Гордею сквозь стыд и тяжесть горя печально признаться Владимиру Ильичу, что упустил молодого сына...

А пока в ярости замахнулся на Ивана, как на маленького, и понял — поздно. И мы, зрители, будто видим, как разрывается на части поруганное отцовское сердце, когда Позднышев-старший выносит приговор младшему:

— Сдай оружие! Революция тебе его не доверяет!

И вот кульминация трагедии Позднышева. Заплутавший, растерявшийся Иван вызволяет отца из-под ареста. Это большее, на что он способен. Снова они на кронштадтском льду.

Несгибаемый большевик, прошедший сквозь все круги ада гражданской войны, в отчаянии протягивает руки к Ивану, чтобы увести с собой, честно предупреждая:

— Я ж вернусь, я ж тебя убивать буду!

Он снова и снова наступает, пересиливая гордость

свою, унижая свое отцовское достоинство. Потому что он — сильный. Потому что он — отец. Перед сыном он готов повалиться на колени, в снег, только б понял, окаянный, что предает и мать, и отца, и правду. Может, никогда в жизни не был Гордей таким страстным агитатором. И таким неудачливым...

— Погибай!

И ушел в Петроград. Чтоб вернуться сюда с делегатами партсъезда.

Но трагедия эта — оптимистическая. Потому что все-таки будет у Гордея великое счастье — духовное обретение сына.

Насмерть раненный бывшим дружкой, членом мятежного «ревкома», тот поймет, наконец, что к чему, и прозреет. Ухватившись слабеющими руками за батю, светло произнесет: «Вижу...». Но уже не выручит его батя, а только в безмерной тоске прикиннет к плечу сына, и из перехваченной спазмой глотки вырвется сначала беспомощно: — Мой... — а потом скорбно и гордо: — Мой!

Вот она — вершина жизнеутверждающей, незабываемой трагедии. По исчерченному морщинами лицу тяжко бороздят след отцовские слезы, а голос наливается, крепчает ленинскими словами:

— Колеблющихся много. Нас мало. Колеблющиеся разъединены. Мы объединены. Колеблющиеся не знают, чего они хотят. А мы знаем, чего мы хотим. И потому — мы победим.

Такое помнится долго...

Н. КИДИНА.